

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

УДК 93:069.5

Принципы экспонирования этнографических коллекций на экспозиции Кунсткамеры Императорской академии наук XVIII в.

М. Ф. Хартанович¹, М. В. Хартанович²

¹ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

² Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 17

Для цитирования: Хартанович М. Ф., Хартанович М. В. 2020. Принципы экспонирования этнографических коллекций на экспозиции Кунсткамеры Императорской Академии наук XVIII в. *Вопросы музеологии*, 11 (2), 210–218. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2020.206>

Экспозиция Кунсткамеры Императорской академии наук XVIII в. была организована по принципу универсального, всеобъемлющего представления окружающего мира через вещевые памятники. Наряду с естественно-историческими коллекциями в Кунсткамере показывались предметы, связанные с традиционной духовной и материальной культурой различных народов. Входя в структуру Императорской академии наук, Кунсткамера была своего рода публичной частью деятельности академиков, отражая развитие научного знания в определенной области через принципы организации предметов, их трактовки. В настоящей статье анализируются этапы экспонирования предметов традиционной культуры, их взаимосвязи и взаимообусловленности с развитием научного интереса к «описанию народов». В первые десятилетия публичности Кунсткамеры (1730–1740-е гг.) предмет традиционной культуры какого-либо народа экспонировался по признаку своего функционального назначения. Преимущественно это были предметы культуры народов за пределами Российской империи. Масштабные экспедиционные географические исследования России, начатые Петром I и продолженные при следующих правителях, значительно пополнили корпус сведений и материалов, хранившихся и изучавшихся в Императорской академии наук. Этнографические предметы, представлявшие культуру народов Российской империи, служили очевидным свидетельством обширности и богатства территориальных владений.

Государственную «публикацию» этнографические собрания получили во время этнографического карнавала, устроенного по случаю торжеств заключения мирного договора с Османской империей во время правления императрицы Анны Иоанновны. С конца 1740-х гг. благодаря государственным научным экспедициям собрание этнографических предметов приобретает системный, классификационный характер, что содействует достоверному отражению системы организации жизнеобеспечения определенного народа в определенных территориальных условиях. Существенной частью «описания народов» становятся данные по морфологическим особенностям внешнего облика различных народов. На экспозиции Кунсткамеры они воспроизводились через скульптурные реконструкции усредненного облика представителя какого-либо народа. В основе организации предметов на экспозиции находились достоверные сведения, полученные преимущественно в экспедициях ученых. К последним десятилетиям XVIII в. этнографическая экспозиция Кунсткамеры Императорской академии наук была результатом комплексного научного подхода к представлению разнообразия культур народов Российской империи.

Ключевые слова: Кунсткамера, этнографическая экспозиция, этнографические коллекции, манекен.

Исследование приемов оформления экспозиции Кунсткамеры Академии наук XVIII в., некоторые вопросы организации показа предметов по естественной истории, материальной и духовной культуре народов мира не были обойдены вниманием специалистов¹.

В данной работе предпринята попытка рассмотреть изменения в подходах к экспонированию этнографических предметов в Кунсткамере Императорской академии наук XVIII в. как отражение этапов развития в России научного интереса к традиционным культурам различных народов.

Первые коллекции Кунсткамеры включали предметы культур народов Евразии, Африки, Америки. Например, собрание голландского аптекаря Альберта Себы, купленное Петром I в 1716 г., преимущественно состояло из препаратов по естественной истории, а также включало предметы традиционной культуры народов различных континентов. Подобные предметы привлекали внимание коллекционеров своей необычностью: они были привезены из дальних загадочных стран, имели оригинальный внешний вид, были исполнены с большим художественным мастерством либо содержали некое полезное свойство. Нередко они рассматривались коллекционерами вместе с древностями. К примеру, после кончины императора Петра I (1725 г.) в Кунсткамеру в 1726 г. поступили «древние вещи» и «много художественных вещей» из его собраний: металлические литые изображения всадников, животных, найденные в курганах Сибири, а также одежда народов Поволжья, саамские сани, саамский гадательный барабан².

Знания о народах Российской империи, а также их наглядная составляющая — коллекции предметов — были востребованы официальной придворной культурой.

Ярчайшим примером тому служит маскарадное шествие, устроенное по указу императрицы Анны Иоанновны зимой 1740 г.

¹ Станюкович, 1955; Хартанович, 2011; Радзюн, Хартанович, 2015; Чистов, 2017.

² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Р. III. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–5.

Для проведения маскарада от Императорской академии наук требовалось предоставить как одежду (мордовскую, черемисскую, чувашскую, вотякскую, тунгусскую, лапландскую, самоедскую и других сибирских народов), так и описания азиатских народов России и зарубежья³.

В публикациях по истории Кунсткамеры Академии наук это маскарадное шествие связывали только со свадьбой шутов в Ледяном доме в феврале 1740 г.⁴ Однако исследования последних десятилетий позволили расширить исторический контекст «этнографического маскарада».

Так, в статье Е. А. Погосян устройство парада народов, как и свадьбы шутов в Ледяном доме, было проанализировано в корпусе торжественных мероприятий, связанных с завершением русско-турецкой войны 1735–1739 гг. и ратификацией мирного договора с Османской империей в начале 1740 г.⁵ Исследовательница также обратилась к «этнографической» составляющей традиции триумфальных парадов при Петре I и европейских дворах⁶.

Непосредственно в торжествах зимы 1740 г. коллекции Кунсткамеры наглядно и достоверно представили обширность Российской империи, разнообразие ее народов, получив государственную публикацию или «всенародное объявление».

Возвращаясь в стены музея, обратим внимание на организацию показа этнографических предметов непосредственно на экспозиции 1730–1740-х гг.

«Ведомость о книгах и вещах, которые в Библиотеке и Кунсткамере сторели, утратились и повреждены...», составленная для проверки утрат в результате пожара в здании музея в декабре 1747 г., содержит практически пошкафную опись экспозиции 1730–1740-х гг.

Этнографические предметы были объединены в следующие группы:

- I. «Платье» (шкафы IX–XII)⁷;
- II. «Инструменты» (шкаф XIII)⁸;
- III. «Идолы, статуи и другие подобные фигуры» (шкафы XIV–XVIII)⁹;
- IV. «Сосуды и прочие домашние мелкие вещи» (шкафы XVIII–XIX)¹⁰;
- V. «Доски и малеванные картины» (шкаф XIX)¹¹;
- VI. «Уборы и украшения» (шкаф XIX);
- VII. «Домовой скарб» (шкаф XIX)¹²;
- VIII. «Разный скарб иностранных народов» (шкаф XX–XXII)¹³.

Таким образом, в основе расположения этнографических предметов на экспозиции в первые десятилетия публичности музея лежало их функциональное назна-

³ Материалы для истории Императорской Академии наук. 1887. Т. IV. СПб.: Тип. Имп. АН. С. 276–278.

⁴ Станюкович, 1953. С. 76–77.

⁵ Погосян, 2001а.

⁶ Погосян, 2001б. С. 208–209.

⁷ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2247. Л. 66–69.

⁸ Там же. Л. 69 об. — 70.

⁹ Там же. Л. 70–78 об.

¹⁰ Там же. Л. 73 об. — 80.

¹¹ Там же. Л. 80–80 об.

¹² Там же. Л. 81 об. — 82.

¹³ Там же. Л. 82 об. — 87.

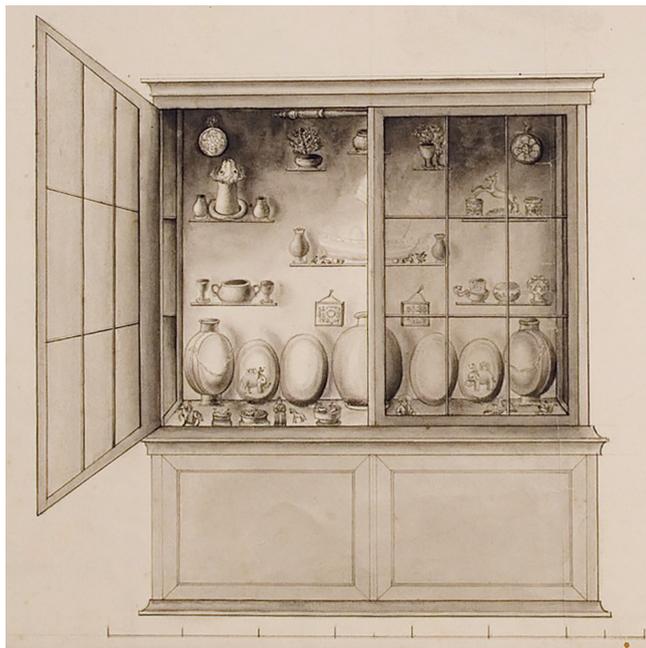

Рис. Неизвестный автор. Шкаф в Большом зале I этажа Кунсткамеры в Санкт-Петербурге. 1760-е гг. Тушь, перо, кисть. 35,2 × 52,8. Из коллекции Научно-исследовательского музея при Российской академии художеств (А-14835)

чение. Они также иллюстрировали развитие ремесел различных народов в области изготовления предметов бытовой и духовной культуры (рис.).

Принцип показа этнографических предметов подвергся коренному изменению во второй половине XVIII в. благодаря государственным экспедиционным исследованиям территорий Российской империи, в первую очередь в результате деятельности Академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.). В масштабные задачи экспедиции входили изыскания как в области естественных наук, так и в области истории, традиционной духовной и материальной культуры народов в местах прохождения экспедиции.

Участник академического отряда Второй Камчатской экспедиции, историк Герард Фридрих Миллер составил программу-пособие по полевой географической, исторической, археологической и этнографической работе в Сибири. Частью этой программы был перечень данных «Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно» (923 статьи)¹⁴ и приложение «О собирании различных предметов для императорской Кунсткамеры» (16 статей)¹⁵.

В «Показание...» включены подробные указания по классификации народов; описанию антропологических особенностей внешнего облика; систематизации и классификации сведений, касающихся традиционного уклада жизни: быта (одежды, жилищ, утвари); питания; занятий, промыслов; общественной организации; представлений об окружающем мире, религиях и культах.

¹⁴ Элерт, 1999. С. 181–226.

¹⁵ Хартанович, 2019. С. 42–43.

Наглядность экспедиционных сведений, их достоверность обеспечивались собираемыми для Кунсткамеры коллекциями. Например, в инструкции «О собирании разных вещей в Императорскую Кунсткамеру» предлагалось привезти в Кунсткамеру юрты и их составные части: «3) Прислать татарскую или братскую юрту, которая войлоком покрыта вместе с деревянными подставками, и со всеми принадлежностями, каковые обыкновенно у них поставляются; 4) Березовые корки, которыми покрываются тунгусские юрты; 5) Ньюки¹⁶ из лосиной или оленей кожи, которые бывают на самоедских юртах; 6) Деревянные подставки под юкагирскими юртами с лосиными и оленьими кожами, которыми оные покрываются»¹⁷.

Поступление новых экспедиционных сведений и коллекций, их научная обработка для последующей организации на экспозиции потребовали времени. Но гибель большей части этнографических коллекций Кунсткамеры в пожаре 1747 г. поставила перед Академией наук приоритетные задачи по восстановлению залов Кунсткамеры после пожара и количественному воссозданию коллекций.

Экспозиции в здании Кунсткамеры стали открываться с 1762 г.

На новой экспозиции, посвященной культурам различных народов, не стали воспроизводить прежнюю систему показа этнографических предметов, где во главе угла находилось полезное или необычное свойство предмета.

Центром притяжения становился человек, живущий в определенных природных и культурно-бытовых условиях, находящийся в постоянной взаимосвязи и взаимообусловленности.

Предмет традиционной культуры стал трактоваться не как отдельное единичное явление, но как элемент системы жизнеобеспечения конкретного народа, выживания в определенных географических условиях.

В 1764 г. на экспозиции появились деревянные скульптуры-манекены, представлявшие тунгусских шамана и шаманку¹⁸. Важно отметить, что скульптуры отражали своего рода усредненный антропологический портрет «тунгусов», в терминологии того времени — народов Восточной Сибири. По распоряжению Канцелярии Академии наук рисунки манекенов должен был исполнить художник, побывавший в Сибири во время Второй Камчатской экспедиции и знавший особенности внешнего облика сибиряков. Это задание было поручено штатному художнику Кунсткамеры Иоганну Люрсениусу, участвовавшему в работе академического отряда Второй камчатской экспедиции под руководством И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера.

На манекены были надеты шаманские ритуальные костюмы. Они были присланы в Академию наук сибирским губернатором Д. И. Чичериным в конце 1763 г. Сами же скульптуры были вырезаны из дерева академическим скульптором Михаилом Павловым¹⁹.

Ко времени изготовления скульптур в Академии наук имелся обширный экспедиционный материал о шаманизме в Сибири, в частности записи участника Второй Камчатской экспедиции, историка Г. Ф. Миллера.

¹⁶ Покрышки.

¹⁷ Цит. по: Хартанович, 2019. С. 43.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 534. Л. 57.

¹⁹ Копанева, Чистов (ред.), Хартанович, Хартанович (авт.-сост.), 2014. С. 286–287.

Таким образом, шаманизм на экспозиции Кунсткамеры был представлен в комплексе оригинальных вещественных памятников и достоверных сведений, полученных как от самих шаманов, так и в процессе наблюдения сцен камланий.

Такой подход: отображение явления традиционной культуры в комплексе достоверных данных, полученных непосредственно в условиях бытования явления — был продолжен в последующие годы.

Путеводитель по залам Кунсткамеры свидетельствует о том, что манекены служили своего рода опорными пунктами для повествования о представленных на экспозиции народах. Оно начиналось с описания особенностей физического облика: роста, телосложения, строения лица, цвета и формы глаз и волос. Затем рассказывалось о чертах характера, нормах поведения. Описывался мужской и женский костюм: материалы изготовления, сезонные особенности, украшения; указывались различия в костюме и причёске замужних женщин и девушек. Перечислялись утварь и орудия промыслов, оружие. Затрагивались традиционные верования и обряды²⁰.

Таким образом, воспроизводилась структура описания культуры народа, заложенная историком Г. Ф. Миллером в упоминавшейся выше программе «Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно».

От манекенов повествование переходило к комплексам вещевых памятников традиционной культуры мордвы, красноярских татар, персов, якутов, чукчей, алеутов, индейцев Северной Америки и Бразилии. Но и тут, даже без «наглядного пособия» в виде костюмированного манекена, описание народов строилось по вышеприведенной структуре.

Одним из основных источников сведений для путеводителя по Кунсткамере, в частности о народах Российской империи, в том числе Курил и Русской Америки, была работа И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей...». В предуведомлении к этой работе И. Г. Георги указывается на то, что в качестве источников были взяты труды Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, Г. В. Стеллера, П. И. Рычкова, С. Гмелина, П. С. Палласа, И. И. Лепехина и других. Часть иллюстраций была выполнена на основании хранившихся в Кунсткамере рисунков и «фигур»²¹.

Описания некоторых японских предметов, хранившихся в Кунсткамере, в частности набора для иглоукалывания, и самой процедуры, а также лекарственного средства мокса взяты из сообщений шведского врача Иоганна Арнольда Штуцера, служившего в 1787–1788 гг. в голландской фактории на острове Дэсима. В 1795 г. японская коллекция и рукописи на французском — «Извлечение из дневника путешествия» и «Описание иглолечения и моксы» натуралиста, хирурга И. А. Штуцера — были присланы в Санкт-Петербург Екатерине II и по распоряжению императрицы переданы в Академию наук²². Сведения об индейцах Бразилии предпо-

²⁰ Беляев, 1800. С. 154–222.

²¹ Георги И. Г. 1799. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: творение, за несколько лет пред сим на немецком языке Иоганна Готтлиба Георги, в переводе на российский язык весьма во многом исправленное и вновь сочиненное. СПб.: При Императорской Академии наук. С. V, XV.

²² Сеницын, 2013. С. 227–234.

ложительно были получены от натуралиста, математика Антону Арауху де Азеведу да Барка, передавшего в Кунсткамеру в 1790 г. коллекцию по естественной истории и этнографии Южной Америки²³.

Таким образом, к концу XVIII в. в экспонировании предметов традиционных культур различных народов произошел переход от систематизации по функциональному назначению к систематизации по признаку этнической принадлежности для комплексного, структурированного показа культуры и быта определенного народа. В систему описания входили и данные о внешнем облике (физической антропологии), а манекены Кунсткамеры были своего рода первой реконструкцией обобщенного антропологического типа представителей разных народов в музее.

Анализ процесса становления этнографической части экспозиции Кунсткамеры Императорской академии наук XVIII в. позволяет выделить следующие этапы преобразования принципа показа этнографического предмета от «куриозной», любопытной, отдельной вещи до компонента, образующего систему знаний о традиционной культуре:

- собрание и показ отдельных редких предметов как своего рода элемента придворной культуры, наглядного свидетельства следования монарха общеевропейским принципам Просвещения;
- собрание и показ предметов традиционной культуры как части целостного географо-экономического и исторического описания определенной территории.

Собранные этнографические сведения и коллекции иллюстрировали культуру жизнеобеспечения, культуру регуляции деятельности человека, системы производства и накопления знаний какого-либо народа. Полученные материалы демонстрировали адаптацию определенного общества к природной среде отдаленных территорий Российской империи: освоение территории через постройку определенного типа жилищ и организацию поселений, средства добычи и производства пищи, утвари, одежды; системы познания и понимания законов природы, организации жизненного цикла.

Литература

- Беляев О. 1800. *Кабинет Петра Великого*. Ч. II. СПб.: Печатано в Императорской типографии.
- Копанева Н. П., Чистов Ю. К. (отв. ред.), Хартанович М. Ф., Хартанович М. В. (авт.-сост.). 2014. *Летопись Кунсткамеры. 1714–1836*. СПб.: МАЭ РАН.
- Погосян Е. А. 2001а. «И невозможное возможно»: Свадьба шутов в Ледяном доме как факт официальной культуры. *Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение*. VI: 80–108.
- Погосян Е. А. 2001б. *Петр I — архитектор российской истории*. СПб.: Искусство.
- Радзюн А. Б., Хартанович М. В. 2015. Кунсткамера Петербургской Академии наук XVIII в.: у истоков антропологических знаний в России. *Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология* 2: 114–122.
- Синицын А. Ю. 2013. Иоганн Арнольд Штуцер: новые биографические сведения о собирателе японских коллекций Кунсткамеры XVIII в. *Кюнеровский сборник: Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований*. 7: 227–234.
- Станюкович Т. В. 1953. *Кунсткамера Петербургской Академии наук*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

²³ Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 гг. 1911. Т. IV. СПб.: Тип. Имп. АН. С. 275–277.

- Станюкович Т. В. 1955. Художественное убранство и размещение экспозиции Петербургской Кунсткамеры. *Сборник МАЭ XVI*: 385–400.
- Хартанович М. В. 2011. Манекены Кунсткамеры Петербургской Академии наук конца XVIII в. *Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г.* СПб.: МАЭ РАН: 116–122.
- Хартанович М. В. 2019. Принципы собирания этнографических коллекций для Кунсткамеры Императорской Академии наук: от сибирской экспедиции Д. Г. Мессершмидта (1719–1727) до Второй Камчатской экспедиции (1733–1743). *Вестник НГУ. Серия: История, филология* 18 (5). Археология, этнография: 36–49. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2019-18-5-36-49>.
- Чистов Ю. К. 2017. Этнографические коллекции Кунсткамеры (1714–1836): к вопросу об институционализации этнографии как научной дисциплины в России. *Уральский исторический вестник* 4 (57): 136–143.
- Элерт А. Х. 1999. *Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН.

Статья поступила в редакцию 10 августа 2020 г.;
рекомендована к печати 28 сентября 2020 г.

Контактная информация:

Хартанович Маргарита Федоровна — д-р ист. наук, вед. науч. сотр.; mkhart@yandex.ru
Хартанович Мария Валерьевна — зав. видеографическим банком данных; marijah@mail.ru

Concepts of exhibiting ethnographic collections of the 18th century Kunstkamera of the Imperial Academy of Sciences

*M. F. Khartanovich*¹, *M. V. Khartanovich*²

¹ Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences,
3, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² Scientific-Research Museum of the Russian Academy of Arts,
17, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Khartanovich M. F., Khartanovich M. V. 2020. Concepts of exhibiting ethnographic collections of the 18th century Kunstkamera of the Imperial Academy of Sciences. *The Issues of Museology*, 11 (2), 210–218. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2020.206> (In Russian)

The exposition of the 18th century Kunstkamera of the Imperial Academy of Sciences was arranged according to the principle of a universal, all-encompassing presentation of the surrounding world through material monuments. Along with natural history collections, items related to the traditional spiritual and material culture of various peoples were displayed in the Kunstkamera. As part of the Imperial Academy of Sciences, the Kunstkamera was a kind of public presentation of the activities of academicians, reflecting the development of scientific knowledge in a particular area through the principles of organizing objects and their interpretation. This article analyzes the stages of exhibiting objects of traditional culture, their relationship and interdependence with the development of scientific interest in the “description of peoples”. In the first decades of public exposure for the Kunstkamera (1730s–1740s), the items of traditional culture of any nation were exhibited based on their functional purpose. Large-scale expeditionary geographic studies of Russia, begun by Peter I and continued during subsequent reigns, significantly expanded the body of information and materials stored and studied at the Imperial Academy of Sciences. The ethnographic assemblies received state “publication” during the ethnographic carnival, organized on the occasion of celebrations upon the signing of a peace treaty with the Ottoman Empire during the reign of Empress Anna Ioannovna. Since the end of the 1740s, due to the expeditionary research of the ter-

ritories of the Russian Empire, the collection of ethnographic items has acquired a systemic classification character, which contributes to a reliable reflection of the system of organizing life sustainment for a certain people in specific territorial conditions. By the last decades of the 18th century, the ethnographic exposition of the Kunstkamera of the Imperial Academy of Sciences was the result of an integrated scientific approach to the presentation of the cultural diversity of the peoples of the Russian Empire.

Keywords: Kunstkamera, ethnographic collection, ethnographic exposition, dummy.

References

- Beliaev O. 1800. *Peter the Great's Cabinet*. V.II. St. Petersburg: Pechatano v Imperatorskoi tipografii Publ. (In Russian)
- Chistov Iu. K. 2017. Ethnographic collections of Kunstkamera (1714–1836): on the problem of institutionalization ethnography as academic discipline in Russia. *Ural'skii istoricheskii vestnik* 4 (57): 136–143. (In Russian)
- Elert A. Kh. 1999. *Peoples of Siberia in the works by G. F. Miller*. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN Publ. (In Russian)
- Khartanovich M. V. 2011. Mannequins of the Academy's of Sciences Kunstkamera in Petersburg in the late 18th century. *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2010 g.* St. Petersburg: MAE RAN Publ.: 116–122. (In Russian)
- Khartanovich M. V. 2019. Principles of gathering the ethnographic collections for the Kunstkamera of the Imperial Academy of Sciences: from the Siberian expedition of D. G. Messerschmidt (1719–1727) till the Second Kamchatka Expedition (1733–1743). *Vestnik NGU. Serii: Istorii, filologii* 18 (5). *Arkhologii, etnografiia*: 36–49. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2019-18-5-36-49>. (In Russian)
- Kopaneva N. P., Chistov Iu. K. (ed.), Khartanovich M. F., Khartanovich M. V. (authors). 2014. *Kunstkamera Chronicles. 1714–1836*. St. Petersburg: MAE RAN Publ. (In Russian)
- Pogosian E. A. 2001a. “Impossible is possible”: Marriage of the fools in the Ice house as event of official culture. *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii: Literaturovedenie* VI: 80–108. (In Russian)
- Pogosian E. A. 2001b. *Peter I — architect of Russian history*. St. Petersburg: Iskusstvo Publ. (In Russian)
- Radziun A. B., Khartanovich M. V. 2015. Kunstkamera of St. Petersburg Academy of Sciences of the 18th century: at the origins of anthropological knowledge in Russian. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 23: Antropologii* 2: 114–122. (In Russian)
- Sinitsyn A. Iu. 2013. Iogann Arnold Shtutser: new biographic data on collector of Japanese collections of the 18th-century Kunstkamera. *Kiunerovskii sbornik: Materialy Vostochnoaziatskikh i Iugo-Vostochnoaziatskikh issledovanii* 7: 227–234. (In Russian)
- Staniukovich T. V. 1953. *Kunstkamera of the Academy of Sciences in Petersburg*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR Publ. (In Russian)
- Staniukovich T. V. 1955. Artistic decoration and arrangement of exposition of Petersburg Kunstkamera. *Sbornik MAEXVI*: 385–400. (In Russian)

Received: August 10, 2020
Accepted: September 28, 2020

Authors' information:

Margarita F. Khartanovich — Dr. Sci. in History, Leading Researcher; mkhart@yandex.ru
Maria V. Khartanovich — Head of Video and Graphic Museum Data Bank; marijah@mail.ru